

Екатерина Степанова

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБЛАСТИ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА: РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ ВООРУЖЕННЫХ РАДИКАЛЬНО-ИСЛАМИСТСКИХ ДВИЖЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ ИГИЛ

Статья вторая в серии из двух статей

Подъем *Исламского государства Ирака и Леванта* (ИГИЛ) в ирако-сирийском контексте произошел на фоне общего доминирования ряда организаций радикально-исламистского типа на Ближнем Востоке, в Азии и Африке среди наиболее смертоносных вооруженно-террористических группировок в мире, а также спорадических всплесков джихадистского терроризма на Западе. Для феномена ИГИЛ (а до него — для радикально-исламистского фланга вооруженной оппозиции в Сирии) также характерен более активный, чем обычно для конфликтных зон в мусульманском мире, приток иностранных джихадистов как с Ближнего и Среднего Востока, так и из других регионов мира, в том числе из западных стран. Все это многообразие транснационального терроризма радикально-исламистского типа, разные типы и уровни которого отчасти накладываются один на другой, усиливает путаницу в его трактовке и стремление свалить все в одну кучу и стимулирует политический запрос на упрощенные схемы и объяснения. Так, в политико-медийных кругах на Западе и в других регионах мира основным вектором транснационализации современного радикально-исламистского терроризма нередко все еще считается регионализация *Аль-Каиды* по принципу сверху вниз — ее трансформация в несколько крупных и четко структурированных прямых региональных ответвлений.

В данной серии из двух статей эволюция транснационального терроризма исламистского толка рассматривается как более сложная, многообразная и нелинейная. Она вбирает в себя несколько взаимосвязанных, но параллельных и лишь отчасти пересекающихся процессов, причем основными из них на сегодняшний день являются следующие два:

- сетевая фрагментация движения глобального джихада, в том числе и прежде всего в самих странах Запада (подробно рассмотрена в первой статье серии в предыдущем номере *Индекса Безопасности*, № 3, 2014 г.);
- регионализация вооруженного исламизма по принципу *снизу вверх*, а не сверху вниз, в мировых центрах вооруженно-террористической активности в широко интернационализированных конфликтных зонах, прежде всего на Ближнем и Среднем Востоке. Этому процессу, наиболее ярким воплощением которого стал феномен ИГИЛ, посвящена вторая статья, публикуемая ниже.

И
Л
И
З
А
Н
А

ФЕНОМЕН ИГИЛ: ОСОБЕННОСТИ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Хотя феномен движения *Исламское государство* (ИС), или *Исламское государство Ирака и Леванта* (ИГИЛ), имеет 10-летнюю предысторию, летом 2014 г. движение совершило свой самый масштабный рывок и перешло в новое качество. Основные силы ИГИЛ перебазировались из Сирии, куда они ранее передислоцировались из Ирака, еще к началу 2014 г., сумев взять под свой контроль оплот иракских суннитов — г. Фаллуджу — в январе 2014 г., а позднее — и провинциальную столицу г. Рамади. Однако главный прорыв пришелся на лето, когда буквально за считанные недели ИГИЛ удалось взять под свой контроль значительную часть Северо-Западного и Северного Ирака. Правительственные силы не смогли сдержать натиск ИГИЛ, которому удалось захватить значительные арсеналы вооружения иракской армии. Стремительное продвижение ИГИЛ вглубь страны сопровождалось многочисленными жертвами как среди комбатантов, так и среди мирного населения (по оценкам ООН, только в июне 2014 г. в ходе вооруженного насилия в Ираке погибло более 2400 человек)¹. Уже 9 июня оппозиционными силами во главе с ИГИЛ был захвачен г. Мосул, а 29 июня группировка официально объявила о создании исламского халифата на подконтрольных ей территориях и провозгласила себя *Исламским государством* (несмотря на этот очередной вариант в бесконечной череде переименований, в статье сохранено название ИГИЛ).

ИГИЛ не только взаимодействует с другими, в том числе неисламистскими, группировками иракской вооруженной оппозиции (и фактически возглавляет их неформальную коалицию), но и продолжает свою вооруженную активность на территории соседней Сирии. В распоряжении ИГИЛ также имеются весьма значительные финансовые ресурсы, гарантирующие его устойчивое самофинансирование (от контрабанды нефти, других видов трансграничной торговли, изъятий финансовых средств и собственности, сбора исламских налогов на подконтрольных территориях и т. д.). Хотя оценки нефтяных и иных доходов ИГИЛ разнятся², они, судя по всему, превосходят доходы, например, афганских талибов от сборов с производства и торговли наркотиками³.

Хотя полной неожиданностью масштабное наступление ИГИЛ 2014 г. могло стать только для неспециалистов, в медийно-политических и околоэкспертных кругах оно породило массу спекуляций относительно как самого феномена ИГИЛ, так и сценариев развития событий внутри и вокруг Ирака (в ирако-сирийском и более широком региональном контексте). Так, феномен ИГИЛ нередко сводят к прямой руке *Аль-Каиды* и инстинктивному проявлению всемирного джихадизма без границ и конкретных интересов и даже без особых причин, кроме общей пассионарности вооруженно-исламистского интернационала и его адептов — боевиков-наемников, бесцельно слоняющихся по миру от одной конфликтной зоны к другой. В оценке возможных путей дальнейшего развития событий доминируют сценарии от крайне пессимистических (полномасштабная война всех против всех, захват Багдада радикальными исламистами и т. д.) до радикально пессимистических, включая полный распад Ирака (и Сирии) и создание отдельного государства Исламский эмират на прилегающих друг к другу частях иракской и сирийской территории.

В этой связи отметим, что, во-первых, ни нынешний виток иракского кризиса, ни сам феномен ИГИЛ (об эволюции которого см. ниже), конечно, не сводятся лишь к проявлениям пассионарного джихадизма и вообще к религиозно-сектарному фактору. При всей важности радикально-исламистской составляющей в активности и подъеме ИГИЛ нынешний кризис стал результатом целого ряда взаимосвязанных факторов. Среди них — тяжелые последствия иностранной интервенции в Ираке, развал, слабая функциональность, низкая легитимность и непредставительный характер государственной власти, маргинализация целых общин и рай-

онов (особенно суннитов в Ираке), развязывание и эскалация вооруженных конфликтов в Ираке и Сирии, обострение и стимулирование различными политическими силами как вне, так и внутри государственной власти (и как изнутри, так и извне региона) этнических, сектарных и межобщинных противоречий, влияние трансграничных факторов, противоречия между региональными державами, социально-экономические трудности и экономический оппортунизм, прежде всего в сфере теневой экономики, и т. д.

Во-вторых, новое обострение ситуации в Ираке в 2014 г. могло показаться апокалиптическим лишь тем, кто всерьез воспринял создававшуюся правительством США и многими западными СМИ иллюзию умиротворенного Ирака и постепенного налаживания стабильности и функциональной государственной власти в этой стране. Такая картина была необходима администрации Б. Обамы для политико-пропагандистского обеспечения одного из его главных внешнеполитических обещаний — вывода американских войск из Ирака. Однако ее несоответствие действительности было очевидно для любого серьезного наблюдателя задолго до кризиса 2014 г.

Показательно, что насколько сильно военно-политическое руководство США пыталось приукрасить ситуацию в Ираке после вывода американских сил, настолько же летом-осенью 2014 г. оно акцентировало угрозу со стороны ИГИЛ интересам и безопасности США⁴. Официальным ответом на эту угрозу стали ограниченные американские авиаудары по позициям ИГИЛ в Ираке, начавшиеся 8 августа 2014 г. Решение США нанести авиаудары по позициям боевиков, увеличить военную помощь правительственным силам и оказать Ираку гуманитарную помощь также должно было способствовать решению таких задач, как улучшение имиджа администрации Б. Обамы в преддверии промежуточных выборов в Конгресс осенью 2014 г. на фоне череды внешнеполитических провалов путем демонстрации решимости и долговременной стратегии по Ираку (а также, например, могло отчасти способствовать налаживанию отношений с Ираном). Однако ситуацию в самом Ираке ограниченные авиаудары со стороны коалиции во главе с США при участии их западных и арабских союзников вряд ли кардинально улучшат — даже вкупе с растущей военной и финансовой помощью противостоящим ИГИЛ местным силам (курдским отрядам в Ираке и Сирии, силам иракского правительства и других шиитских формирований). ИГИЛ уже в значительной мере удалось адаптироваться к авиаударам со стороны коалиции за счет передислокации в города и другие населенные пункты, сокращения числа масштабных конвоев и других крупных мишеней и т. д.

Несмотря на демонстративное убийство боевиками ИГИЛ нескольких западных заложников, наиболее тяжелые последствия обострившего в 2014 г. иракского кризиса и трансграничного феномена ИГИЛ наряду с Ираком и Сирией как основными странами его базирования затрагивают прежде всего ближневосточный регион. В этом смысле две характерных черты ИГИЛ делают его особенно опасным даже на фоне других транснациональных радикально-исламистских движений в этом и в других регионах.

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

ВАЛЕНТИН СОБОЛЕВ:

Терроризм беспощаден. Государства должны отвечать террористам тем же. Терроризм требует уступок, требует политических компромиссов, на которые (как показывает и горький опыт России) ни в коем случае идти нельзя. Переговоры с террористами возможны и необходимы только в одном случае: облегчить участь заложников и спасти их. Любые другие уступки только стимулируют развитие терроризма и вызывают еще более жестокие и наглые акции с их стороны.

Терроризм беспощаден. Государства должны отвечать террористам тем же. Индекс Безопасности, №1 (81), 2007. С. 28.

Это, во-первых, не ограничено, а *совершенно* трансграничный характер ИГИЛ (в условиях полномасштабных гражданских войн как в Ираке, так и в Сирии), а также его явные амбиции и уже определенный опыт в области «*государственного строительства*» по системе халифат. В подконтрольных районах ИГИЛ удалось жесткими методами наладить базовый «исламский порядок», снизить уровень преступности, стимулировать экономическую активность населения и привлечь часть его на свою сторону, обеспечить сбор налогов и т. п.

Во-вторых, в плане вооруженного потенциала ИГИЛ выделяется даже на фоне 7–8 других наиболее опасных исламистских группировок в разных регионах мира, успешно сочетающих боевой потенциал с террористической деятельностью (от талибов в афганском и пакистанском контекстах до аш-Шабаб в Сомали). ИГИЛ представляет собой *полноценный синтез структуры армейского типа и террористической организации*. Этот гибрид во многом сложился в результате того, что движение объединило в своем составе: а) бывших баасистов, особенно из числа профессиональных офицеров вооруженных сил и спецслужб при С. Хусейне (составляющих военно-командное ядро движения и до трети всех заместителей его лидера Абу Бакра аль-Багдади); б) значительную часть суннитской исламистской оппозиции в Ираке и часть наиболее радикальных исламистов в Сирии и в) приток иностранных джихадистов, склонных к использованию наиболее жестких и экстремальных тактик и форм насилия. В ходе наступлений 2014 г. в Ираке ИГИЛ активно вело прямые военные операции и боевые действия против правительственных сил и других не лояльных радикальным исламистам формирований и группировок. Одновременно значительный опыт ИГИЛ в применении террористических методов (асимметричного насилия, ставящего под удар гражданское население и объекты, но направленного главным образом против государственной власти) наложился на сектарную мотивацию и межобщинную месть, что способствовало росту прямого карательно-репрессивного насилия со стороны ИГИЛ, в том числе в форме массовых экзекуций. Это придало гуманитарной ситуации в регионе особо тяжелый характер и повысило степень угрозы гражданскому населению, включая как шиитов, так и, особенно, несуннитские меньшинства (иракских христиан, курдов-езидов и т. д.).

Тем не менее крайние апокалиптические сценарии в региональном масштабе пока преждевременны. Во-первых, есть объективные пределы установлению контроля ИГИЛ в различных частях Ирака — это горные курдские районы (особенно по мере того, как США и их союзники нарастят прямую военную и гуманитарную помощь курдам), а также населенные шиитами районы, где сильны позиции группировок, поддерживаемых Ираном. По мере продвижения ИГИЛ вглубь Ирака и перехода от захвата к контролю территории и управлению населением в нелояльных несуннитских районах это радикально-исламистское движение начнет буксовать. К тому же могут назреть противоречия внутри оппозиционной коалиции — особенно между более светскими силами (бывшими баасистами) и радикальными исламистами. В Сирии ИГИЛ уже испортило отношения с другими группировками на радикально-джихадистском фланге, включая крупнейшую из них (Джабхат ан-Нусра), вплоть до вооруженных столкновений, что стало одним из импульсов к перебазированию основных сил ИГИЛ на рубеже 2013–2014 гг. обратно в Ирак.

Во-вторых, на уровне региональной конфликтности бытует тенденция сводить все и вся к универсальному противостоянию двух *консолидированных осей* — суннитской (монархии Персидского залива, сирийские и иракские повстанцы и т. п.) и шиитской (Иран, правительство Ирака и иракские шииты, правительство Сирии и сирийские алавиты, ливанское движение Хизбулла). Нередко эта двухосевая схема подается как главная движущая сила и гарантия грядущего переустройства всей государственно-политической системы региона по исключительно сектарным (конфессиональным) линиям. Хотя религиозно-конфессиональная близость

оказывает существенное влияние на политику и взаимодействие соответствующих режимов и группировок, заикленность на некоей четкой структуре сунни-то-шиитского противостояния в регионе *крайне* упрощает ситуацию. Такой подход ведет к автоматической (и неверной) интерпретации религиозной близости как религиозно-политического единства и достаточного условия для перекройки государственно-политической карты региона и в целом утрирует роль сектарного единства в ущерб всем остальным факторам, игнорируя серьезные различия в конкретных национальных, политических, социокультурных и даже внутриконфессиональных контекстах (так, секта алавитов — это довольно условные шииты даже в чисто религиозном смысле).

Например, даже в соседних Ираке и Сирии вооруженные оппозиционные движения суннитов не только крайне внутренне разнородны, но и сильно различаются между собой по происхождению, составу, принадлежности к конфессиональному большинству или меньшинству, опыту участия в государственной власти, основному первоначальному импульсу к переходу к вооруженному насилию (интервенция США и иностранная оккупация в первом случае и противостояние центральной власти и алавитскому меньшинству на исходе и под влиянием *арабской весны* во втором). Важно подчеркнуть, что большинство антиправительственных вооруженных суннитских группировок в Сирии с 2011 г. (например *Армия моджахедов* или *Сирийский исламский фронт*) и значительная часть таких группировок в Ираке с 2004 г. ставят перед собой цели именно на национальном уровне, нацеленные на смену и перераспределение власти и захват территории внутри собственных стран, а отнюдь не на их распад. В отличие от них, движения, которые как раз ставят над- и транснациональные цели в регионе и нацелены на распад существующих государств и создание новых — такие, как ИГИЛ или курдские повстанцы, во-первых, остаются, скорее, исключением, а не правилом, а во-вторых, вообще не обязательно носят религиозно-конфессиональный характер (как в случае с этнополитическими движениями курдских сепаратистов).

То же справедливо и в отношении примеров военно-политического взаимодействия между различными государственными и негосударственными акторами шиитского толка в регионе (в частности поддержки Ираном тех или иных иракских шиитских сил и группировок, сотрудничество между правительством Сирии и руководством Ирака после вывода основных американских сил, но до нынешнего обострения иракского кризиса или, например, участия формирований ливанской Хизбуллы в сирийском конфликте на стороне алавитского режима при поддержке и посредничестве Ирана). Однако даже такое тесное сотрудничество не носит автоматического, постоянного характера гарантированных обязательств, оно основано прежде всего на (меняющихся) политических интересах и нередко диктуется сугубо прагматичными или даже оппортунистическими соображениями. При необходимости и наличии соответствующих государственно-политических интересов такое сотрудничество с легкостью пересекает конфессиональные барьеры и выходит за рамки любых *осей*, как, например, существенная поддержка шиитским Ираном суннитского палестинского движения Хамас.

После всех оговорок есть смысл обратиться а) к некоторым наиболее очевидным предварительным урокам иракского кризиса 2014 г. и б) к эволюции ИГИЛ как вооруженного радикально-исламистского движения и характере его связей с транснациональным исламистским терроризмом.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ УРОКИ

Предварительные уроки нового витка иракского кризиса (и феномена ИГИЛ в расширенном ирако-сирийском ареале) напрямую связаны с его основными

причинами и условиями. Внезапные военные успехи ИГИЛ в Ираке летом 2014 г. на самом деле стали результатом длительного процесса взаимодействия таких факторов, как:

- накопившееся за годы пребывания у власти марионеточного проамериканского шиитского правительства аль-Малики острое недовольство различных сил и группировок иракских суннитов ухудшением их положения, растущей политической и социально-экономической маргинализацией и репрессиями со стороны властей;
- слабая функциональность и низкая легитимность оставленного США Ираку в наследство непопулярного и все более авторитарного иракского режима, который стал все активнее спекулировать на конфессионально-сектарных различиях ради сохранения власти;
- возможность для ИГИЛ как наиболее радикальной части вооруженной суннитской оппозиции в Ираке не просто найти убежище, а обеспечить себе устойчивую вторую зону базирования в условиях гражданской войны в соседней Сирии, а также солидный источник доходов от контрабанды нефти (в том числе при участии самых разнообразных сирийских, курдских, турецких, иорданских и прочих посредников).

Два основных урока, которые уже можно извлечь из ситуации в Ираке, — прежде всего для основных акторов, заинтересованных в урегулировании кризиса, — относятся как собственно к Ираку, так и в полной мере к другому центру современной террористической активности — Афганистану, а в перспективе, возможно, и к Сирии (и могут быть актуальны и для иных, в том числе будущих, очагов конфликтов в этих и в других регионах).

Во-первых, для предотвращения развития событий по иракскому сценарию важнейшим приоритетом в урегулировании ожесточенного конфликта (независимо от степени его интернационализации) в стране, сильно разделенной по политическому, сектарному и/или этническому принципу, является недопущение полного развала государственных институтов, в том числе силового блока. Точно также после окончания или сильного сокращения иностранного (или международного) военного присутствия в конфликтной или условно-постконфликтной зоне, особенно в условиях сохраняющейся вооруженной активности, совершенно *недостаточно просто оставить у власти относительно лояльное правительство и продолжать поддерживать его несмотря ни на что*. Проблему не решат и косметические попытки формальной легитимации такой власти, например, в ходе неоднозначных и неизбежно оспариваемых выборов, какими они только и могут быть в иракском (и афганском) контекстах. Так, успешное переизбрание аль-Малики и его политического блока накануне серии военных провалов под натиском коалиции во главе с ИГИЛ ничего не решило и не могло предотвратить.

Во-вторых, для предотвращения развития таких феноменов, как ИГИЛ, недостаточно самого факта поддержки местной центральной власти со стороны внешних игроков (как бывших интервентов, так и соседних стран, региональных держав и т. д.). *Недостаточно, чтобы местная власть устраивала прежде всего основных внешних игроков* — как в случае с иракским премьером Нури аль-Малики (пользовавшегося поддержкой как США, так и, с определенными оговорками, главного регионального игрока в Ираке — Ирана, но непопулярного в самом Ираке, даже среди партнеров по широкой шиитской коалиции). Важно найти такой вариант, при котором национальная власть при всей ее ограниченной функциональности отражала — как по своему составу, так и по своим действиям — интересы хотя бы основных местных сил, фракций и/или общин независимо от того, будет ли она иметь форму формальной коалиции или неформального раздела власти. Это остро актуально, например, для Афганистана, где с уходом большей части западных сил

США пока сохраняют значительное влияние и растет роль основных региональных игроков (прежде всего Пакистана, Ирана, Китая и Индии). Даже если единственное, что объединяет их всех по афганскому вопросу — это заинтересованность в стабилизации ситуации в этой стране, необходимо признать, что ее невозможно достичь, делая ставку лишь на отдельные фракции, политические силы и общины. Эта задача требует упора на общенациональный уровень, коалиционную политическую систему и поддержку государства в целом.

Своеобразный третий урок можно извлечь из эволюции самого ИГИЛ.

ЭВОЛЮЦИЯ ИГИЛ И ЕГО СВЯЗИ С ТРАНСЦИОНАЛЬНЫМ ИСЛАМИСТСКИМ ТЕРРОРИЗМОМ

В политико-медийных кругах и среди части экспертов широкого профиля нередко принято упрощенно и некорректно рассматривать ИГИЛ и его предшествующие вариации не столько как самостоятельную организацию, сколько как придаток и прямой филиал *Аль-Каиды*. Эта интерпретация обычно упирает на два момента: а) на предысторию ИГИЛ в Ираке (особенно так называемую Аль-Каиду в Ираке) и б) на широкое присутствие иностранных джихадистов в рядах ИГИЛ. Этот вопрос необходимо прояснить.

а) То, что сейчас известно как ИГИЛ, а ранее фигурировало как *Исламское государство в Ираке* (а до этого как *Аль-Каида в Ираке*), сформировалось в контексте развернувшегося с конца 2003 г. в Ираке вооруженного противостояния оккупационным силам США и их союзников, став одной из крупнейших иракских повстанческих организаций, в идеологии которой радикальный исламизм сочетался с национально-освободительными мотивами. Иными словами, движение возникло как группировка иракского сопротивления и выросло преимущественно на местной почве, хотя и в результате реакции на внешние факторы и при участии ряда иностранных джихадистов.

Отдельные заявления о поддержке *Аль-Каиды* со стороны первого лидера группировки — весьма противоречивой фигуры Абу Мусаба аз-Заркауи (иорданца со связями в джихадистских кругах, которого многие даже в исламистской среде считали двойным агентом) и особо активное и демонстративное использование ею террористических методов дали США и другим странам-интервентам удобный повод для спекуляций по поводу прямого участия центральной *Аль-Каиды* в иракском конфликте и чуть ли не прямого руководства с ее стороны действиями суннитской части иракской вооруженной оппозиции. Главная цель таких спекуляций состояла в дискредитации вооруженного сопротивления в Ираке путем попыток его отождествления исключительно с *Аль-Каидой* и с терроризмом (хотя оно вело борьбу и другими методами). При этом ссылка на *Аль-Каиду* в названии группировки при Заркауи (*Аль-Каида в Ираке*) не отражала ее реальную суть и состав: ее основными целями на этом этапе были освобождение Ирака и установление там исламского государства вместо западного протектората; подавляющее число боевиков и командно-руководящего состава были иракцами, а доля иностранных боевиков, даже по американским данным, не превышала 4–10%, как и в целом в составе иракского сопротивления⁵. Показательно, что, после того как аз-Заркауи был убит в июне 2006 г., группировка, ставшая к тому времени ядром Совета (шурь) моджахедов — повстанческой коалиции исламистского толка, уже в октябре переименовала себя в Исламское государство в Ираке (ИГИ).

В рамках усиления американского контингента в Ираке с 2007 г. США оказывали поддержку ряду суннитских племен для формирования лояльных группировок с целью противодействия радикально-исламистской оппозиции во главе с ИГИ. Под совместным нажимом со стороны США и лояльных племен, а позднее правитель-

ственных сил Ирака и других шиитских формирований, ИГИ несколько снизило свою активность в Ираке. Через месяц после того, как операция под командованием США при участии иракских сил в апреле 2010 г. нанесла особо сильный удар группировке в Ираке (уничтожив сразу двух ее тогдашних лидеров), новым лидером ИГИ стал ее нынешний руководитель ираец Абу Бакр аль-Багдади, который не был близок аз-Заркауи и по сей день никогда не выезжал за пределы Ирака и Сирии.

Разгоревшийся с 2011 г. в соседней Сирии вооруженный конфликт, по мере эскалации которого исламистское крыло оппозиции становилось все более радикальным, предоставил ИГИ возможность частично перебазироваться в Сирию, реорганизоваться и стать одной из крупнейших группировок на джихадистском фланге. Трансграничный характер ИГИ позволил ей нарастить свой потенциал, в том числе за счет значительных доходов от нефтяной и другой контрабанды, и уже в марте 2013 г. взять провинциальную столицу — сирийский г. Ракка. Вступив в сирийский конфликт на стороне джихадистской части антиправительственных сил, ИГИ впоследствии превратилась в своеобразный противовес другим радикально-исламистским группировкам. После того как в 2013 г. ИГА объявило о создании на его базе Исламского государства Ирака и Леванта (т.е. Сирии, Ливана, исторической Палестины, части Турции и т.п.), оно предприняло усилия по объединению с основной радикально-исламистской группировкой *Джабхат ан-Нусра* во главе с Абу Мухаммадом аль-Джавлани, которые были восприняты как попытка установить контроль над группировкой *ан-Нусра*. Это привело к обострению отношений внутри джихадистского блока в Сирии — конфликту, в котором *Аль-Каида* (т.е. то, что осталось от его центрального ядра) оказалась не на стороне ИГА⁶.

Несмотря на идеологическое влияние со стороны *Аль-Каиды* на ИГИ (как и на ряд других локально-региональных группировок радикально-исламистского типа), отношения между ними были натянутыми еще в годы сопротивления военному присутствию США в Ираке. В Сирии же после начавшихся трений между ИГИЛ и *Джабхат ан-Нусра* идеологический лидер и эмир *Аль-Каиды* А. аз-Завахири стал на сторону последней и выразил свою политическую и религиозно-идеологическую поддержку ее лидеру М. аль-Джавлани. В ответ ИГИЛ возобновило столкновения с членами *аль-Нусры* в Сирии (и, пользуясь обострением отношений между шиитским правительством аль-Малики и иракскими суннитами, перенесло основной центр своей активности обратно в Ирак). В итоге в феврале 2014 г., т.е. еще за месяцы до масштабного военного наступления ИГИЛ на Мосул, аз-Завахири отверг притязания ИГИЛ и откестился от какой-либо аффилиации *Аль-Каиды* с этим движением⁷.

б) Отсутствие благословения со стороны центральной *Аль-Каиды* и ее аффилиация с ИГИЛ совершенно не помешали тысячам иностранных джихадистов (многие из них на тот момент уже воевали на стороне радикально-исламистской части оппозиции в Сирии) примкнуть к хорошо финансируемому и хорошо организованному в военном отношении ИГИЛ. Общую численность, долю и состав иностранных джихадистов в рядах ИГИЛ в очень подвижном и к тому же трансграничном ирако-сирийском контексте еще предстоит прояснить. Хотя в построении военной структуры ИГИЛ ее лидер аль-Багдади в основном опирается на иракцев, показатели присутствия иностранных джихадистов для ИГИЛ в целом выше, чем для основных радикально-исламистских группировок в Сирии на конец 2013 г. (где тогда уже воевало до 11 тысяч иностранных боевиков — на тот момент больше, чем в любом другом конфликте со времен антисоветского джихада в Афганистане 1980-х гг.)⁸.

Даже на основании уже имеющихся сведений можно сделать два предварительных вывода. Во-первых, если боевой потенциал и армейская организация ИГИЛ — заслуги в основном бывших иракских баасистов из числа профессиональных воен-

ных, то иностранные джихадисты более заметны на медийно-коммуникационном фронте (как, например, саудовский глава «отдела» ИГИЛ по связям со СМИ), а также играют непропорционально большую роль в особо жестоких и демонстративных актах насилия, в том числе атаках смертников, обезглавливании и т. п.

Во-вторых, хотя среди иностранных боевиков доминируют выходцы с Ближнего и Среднего Востока, вторым крупнейшим сегментом являются джихадисты из западных стран (только в Сирии на начало 2014 г. они уже составляли до четверти всех иностранных боевиков⁹ и, судя по всему, эта пропорция растет). По численности они опережают даже исламистских боевиков из (пост)конфликтных зон в мусульманском мире за пределами Ближнего и Среднего Востока (от сомалийцев до, например, выходцев с территории стран СНГ). Но главное, в силу особенностей сетевой фрагментации «глобального джихада» на Западе (где среди его ячеек доминируют *подчеркнуто глобалистские, универсалистские взгляды и цели*) есть основания полагать, что сегодня именно приток джихадистов из западных стран служит основной связью регионального движения ИГИЛ с движением и повесткой дня глобального джихада. В этом смысле фактор массового притока западных джихадистов играет даже большую роль, чем идеологический символизм исторической *Аль-Каиды* или вооруженный потенциал джихадистов из других горячих точек в исламском мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эволюция движения ИГИЛ служит не столько примером фрагментации центральной *Аль-Каиды* на региональные осколки (по принципу сверху вниз), сколько проявлением отчасти параллельного, отчасти противонаправленного процесса транснационализации и регионализации радикально-исламистской группировки, ранее сосредоточенной на решении задач в более ограниченном локально-региональном контексте (в основном по принципу *снизу вверх*). Эти процессы привели к превращению такой группировки в полноценное трансграничное региональное движение джихадистского типа, в каких-то отношениях даже более радикальное, чем сама *Аль-Каида*. При этом у феномена ИГИЛ есть параллели и в других регионах мира — от движений, которые развивались десятилетиями (например, движение *Джемаа исламийя* в Юго-Восточной Азии) до более недавних, но *потенциально способных развиваться* в том же направлении (например, *Боко Харам* в Нигерии или *аш-Шабаб* в Сомали).

Увлечшись попытками вывести любые повстанческо-террористические движения исламистского типа в зонах трансграничных и наиболее интернационализированных конфликтов из уже во многом отжившей свое *Аль-Каиды* образца рубежа веков и привязать их к ней в организационном плане, можно проморгать появление региональных движений типа ИГИЛ, крайне радикальных в плане идеологии и методов. Да, в отличие от *Аль-Каиды* и плодов ее постепенной сетевой фрагментации (множественных ячеек движения глобального джихада, особенно активных в том числе на Западе) ИГИЛ не ставит совсем уж универсалистских, глобальных и абстрактных — и от того полностью утопических — целей. Однако именно то, что радикально-исламистские группировки, подобные ИГИЛ или эволюционирующие в том же направлении, с головой погружены в свой региональный контекст, ставят более конкретные и реальные задачи и не гнушаются попыткой строительства трансграничного исламского государства *здесь и сейчас*, в условиях конкретного региона, делает их не менее, а возможно, и более опасными в политическом и стратегическом плане, а их вооруженную активность — в совокупности не менее, а более смертоносной, чем все теракты, числящиеся непосредственно за *Аль-Каидой*.

Примечания

¹ Crisis Update: Iraq/International Crisis Group. Brussels, 2014, July 1.

² См. Expert Views on Where ISIS Came From and Where It Is Headed/Summary of 16th Strategic Planning and Analysis Seminar «Civil War in Syria: Challenges and Consequences for the Region and Beyond», Geneva Centre for Security Policy (GCSP), 2014, 17 July, <http://www.gcsp.ch/Regional-Development/Programme-News/Expert-views-on-where-ISIS-came-from-and-where-it-is-headed> (последнее посещение — 3 ноября 2014 г.).

³ 140–170 млн долл. в год. См. Афганский наркотрафик: совместная оценка угрозы: Доклад Российско-американской рабочей группы по афганскому наркотрафику. Нью-Йорк, М., 2014. С. 40, <https://dl.dropboxusercontent.com/u/869038/JTA-russian.pdf> (последнее посещение — 3 ноября 2014 г.).

⁴ ISIS 'Worse Than Al Qaeda,' Says Top State Department Official//The Daily Beast, 2014, July 24, <http://www.thedailybeast.com/articles/2014/07/24/isis-worse-than-al-qaeda-says-top-state-department-official.html>; Gertz B. DIA Chief: Al Qaeda Ideology Rapidly Expanding // FreeBeacon.com, 2014, 29 July, <http://freebeacon.com/national-security/dia-chief-al-qaeda-ideology-rapidly-expanding> (последнее посещение — 3 ноября 2014 г.).

⁵ Baker J., Hamilton L. The Iraq Study Group Report. Washington D. C.: Iraq Study Group, 2006.

⁶ Bayoumi A., Harding L. Mapping Iraq's fighting groups // Al-Jazeera, 2014, 27 June;

The Evolution of the Islamic State of Iraq and the Levant (ISIL): Relationships 2004–2014/National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START) Fact Sheet. June 2014.

⁷ The Evolution of the Islamic State of Iraq and the Levant (ISIL). Op. cit.

⁸ Zelin A.Y., 'Up to 11,000 foreign fighters in Syria; steep rise among Western Europeans', International Centre for the Study of Radicalization (ICSR) Insight. London, 2013, 17 December.

⁹ Ibid.